

«ОФИС (БЫВШИЙ) ОЗПИНА, ЗА ТРИ ЧАСА ДО ТРИУМФА»

— Привет, Жон... — Сказала Руби Роуз с грустной улыбкой, не обращая внимания на окаменевшую виверну Гримм, глядящую на нее в свете разбитой луны.

Ветер завывал вокруг нее в ответ, проносясь по разрушенной часовой башне, когда она положила букет желтых роз на импровизированную доску у своих ног. Ничего особенного, просто камень, прикрывающий пятно крови с обломком металла на нем, но, учитывая, что орды Гримм все еще тянулись к башне, это было лучшее, что она могла сделать.

— Итак... мы узнали, кто был истинным вдохновителем Падения Бикона.

Тишина.

— Оказывается, у Гримм все это время была королева! С ума сойти, правда?!

Тишина.

— Ага! Прямо как в сказке! В любом случае, Озпин — думаю, теперь я должна называть его Оскаром — готовит нас к нападению на замок Салем.

Тишина.

— О, точно. Твоя команда работала с нами последние несколько лет, и мы подобрали несколько человек, после падения Атласа.

Тишина.

— Нора наконец-то вместе — вместе с Реном, понимаешь? И, очевидно, твоя команда столкнулась с кем-то из твоей семьи в Аргусе! Пирра также пыталась вернуть твой меч...

Тишина.

— О, точно, вот невероятная часть! Семья Пирры, твоя семья, и семья Кардина, они заказали статую тебя в Аргусе! Безумие, правда? В память о настоящем герое...

Слеза упала на камень под ней, и Руби моргнула, почувствовав наконец жар в глазах и влагу на щеках. Она поспешно вытерла их.

— ... они пригласили меня, ты знаешь. Но я не могла там быть. Я... Я просто не могла смотреть в глаза твоей семье, не тогда, когда по моей вине тебя больше нет.

Опять слезы.

— ... это было так давно... — Руби фыркнула. — Если бы только ты все еще был здесь... ты не был лучшим учеником, конечно, но ты был намного лучше в планах, чем я когда-либо была. Может быть... может быть, если бы это была я, а не ты... ты бы придумал, как спасти Атлас...

Вдалеке слабо слышался вой Гримм — новые обитатели руин Бикона подхватили ее негатив.

— Почему... черт возьми, почему?! Почему ты должен был принять этот удар на себя ради меня?! — Разочарование оттеняло голос Руби, и она не могла не сжать кулак. — Это должна была быть я! Я поднялась туда, чтобы спасти тебя, а не наоборот! И у меня все еще была Аура; я была бы в порядке! У нас было столько планов, столько дел после фестиваля Витал! Почему

тебе пришлось оставить меня одну?!

Она снова вспомнила, что произошло на том месте. Облегчение от того, что он жив, а затем оцепенение от того, что он упал, которое медленно переросло в ужас, когда пришло осознание. Опустившись на колени, она осторожно коснулась металлической части, отколовшейся от его нагрудника, когда он спас ее.

— Мне жаль. — Руби наконец задохнулась, а затем тихо повторила: — Это должна была быть я... это должна была быть я...

Завывания стали громче, и вдалеке послышался звук тяжелых шагов. Она продолжала не обращать на это внимания, вспоминая его. Его глупая улыбка и дурашливый характер навсегда исчезли из Ремнанта. И все потому, что она была слишком слабой, слишком медлительной.

Она крепче сжала в руках Кресент Роуз, когда первые Беовульфы поднялись на вершину часовой башни. Ей захотелось выместить на них весь свой гнев и разочарование, но она знала, что в этом нет смысла. Гримм будут продолжать приходить, будут стекаться к дракону, пока Салем жива. Нет, сейчас ей нужно было беречь силы для предстоящей битвы. Позже будет время вернуть Королевство Вейл, вернуть Бикон... наконец, построить правильный мемориал.

Вместо этого она взяла в руки Реликвию Творения и с ее помощью создала портал туда, где покоились войска Озпина, совсем рядом с замком Салем.

Но перед тем как уйти, она в последний раз оглянулась на последнее, что осталось у нее в память о первом друге, и поклялась, что, несмотря ни на что, она остановит Салем. Несмотря ни на что, этот монстр больше не будет отвечать за пропавших матерей или мертвых придурков. Несмотря ни на что, больше никогда не будет нового Падения.

«ЗАМОК ВОЛКИХАР, ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ»

Башня снова горела, и Жон Арк боролся с неприятно знакомым чувством.

— Не останавливайтесь! — Рывкнул Исран, его голос был едва слышен в грохоте битвы, и он махнул на замок Волкихар своим молотом. — Мы почти у ворот!

Сзади него поднялся громкий боевой клич, и сподвижники запели древние традиционные песни о славе, о битве, несясь вперед, как толпа.

В миллионный раз за последние пять минут Жон поднял щит, легко отразив дикий удар одной из сотен нежити, стоявших между ним и замком, и, пройдя дальше, перерезал ей шею, обезглавив бывшего человека. Он был потрясен, когда началась контратака; он знал, что вампиры интересуются некромантией, глядя на Серану и ее мать, и он знал, что клан Волкихар существует уже много веков, и у него должно было быть соответствующее количество трупов.

Он просто не представлял, как будет выглядеть настоящий прилив нежити, пока она не обрушилась на стену щитов Соратников, волна костей, крови и гниющей плоти.

Однако, несмотря на то, что они превосходили ударную силу Стражей Рассвета и Соратников числом двадцать к одному, они были гораздо менее опасны, чем безрукий Беовульф, хотя и умели владеть оружием, и после того, как Жон оправился от шока, он начал прорубать себе путь сквозь орду своим новым мечом из драконьей кости, их тела почти не сопротивлялись его клинку.

Нет, истинная опасность нежити заключалась в их способности подавить их числом, окружить и отсечь отдельных бойцов, чтобы горгульи могли зайти с флангов, или просто удержать их на месте, чтобы вампиры могли наложить на их строй заклинания разрушения.

Однако пока что вампирам не везло. Первый залп Стражей Рассвета состоял из разрывных арбалетных болтов (он до сих пор не знал, как они это сделали, и почти заснул, когда они пытались объяснить), и они специально нацелились на башни замка, чтобы не дать вампирам использовать свои оборонительные позиции. Горгульи оказались нежелательным сюрпризом: статуи, выстроившиеся вдоль моста, ожили, когда они были на середине моста и уже вступили в бой, но Стражи Рассвета были дисциплинированы, и они сохранили свои ряды.

Раздавшийся впереди крик предупредил его о том, что на мосту находятся гораздо более опасные противники: зомби и скелеты были неподвижны и неумелы, а горгульи хоть и были сильны и быстры, но вели себя по-звериному, полагаясь скорее на инстинктивную хитрость, чем на планы и тактику боя. Однако существа, мчавшиеся по мосту, были чистокровными Волкихарами, даэдра-благословенными созданиями, обладавшими огромным мастерством, каждый из которых имел опыт в три раза больший, чем вся жизнь Жона, и они знали это.

Эта уверенность была их роковым недостатком. Соратники сражались с великанами, гвардия Стражей Рассвета специализировалась на борьбе с вампирами (не говоря уже о том, что большинство ее членов были бывшими Блустителями или охотниками), а Жон и Янг сражались с многочисленными отрядами Волкихар за тот месяц, что они помогали Серане.

Аэла быстро вонзила свой кинжал в глаз одного из них, лоботомировав его, затем отступила назад, натянув лук, и пустила стрелу в другой глаз. Зачарованный боевой молот Исрана легко сокрушил броню, грудную клетку и органы второго. Арбалет Сорин выпустил взрывной болт в пасть третьего, который с воем бросился на нее. Фаркас и Вилкас работали вместе: один брат парировал удар меча вампира, а другой отрубал ему конечности. Ньяда Каменное Копье оправдала свое имя: ее щит даже не дрогнул, когда она блокировала топор нападавшего, а Риа обезглавила его, пока тот пытался снять оружие. Сьюор и Кодлак, ветераны сотен битв по всему Тамриэлю, доказали, почему они до сих пор возглавляют Соратников, несмотря на свой преклонный возраст и многочисленные шрамы: пара убила дюжину вампиров и горгулий за несколько секунд. Селанн заблокировал надвигающуюся молнию с помощью щита, а затем испепелил вампира вспышкой магического солнечного света.

Жон видел старших учеников и учителей в действии, во время Разлома и нападения на Бикон, но он не мог не быть впечатлен Соратниками и Стражами вокруг него, даже когда он подсознательно реагировал на движения вокруг себя, поднимая свой щит, чтобы перехватить яростный удар вампира, несущегося на него, в то время как он наклонился вперед и горизонтально пронес свой меч под щитом, пуская кровь и выигрывая себе пространство.

Однако прежде чем он успел воспользоваться возможностью контратаки, огненное пятно приземлилось перед ним, раздавив вампира. Жон постарался не обращать внимания на запах горячей крови и внутренностей, кивнув Янг в знак благодарности. Она широко улыбнулась ему в ответ, а затем схватила за голову несчастного зомби, который оказался на расстоянии вытянутой руки. Жон не мог не поморщиться, когда она размозжила ему голову, а затем схватила за ногу и с ее помощью отшвырнула тело в сторону ближайших зомби.

Он вздохнул, уже более чем привыкнув к ее эффективной жестокости, когда она прокладывала себе путь через быстро уменьшающуюся орду. В конце концов, Янг его мира была такой же жестокой, а Нора, пожалуй, более разрушительной (поскольку у нее был доступ к взрывчатке и Праху). Движение впереди побудило его к действию, и он уже двигался, прикрывая Янг, когда

маг-вампир перед ними закончил направлять магию в свое заклинание, и осколок льда разбился о его щит, безвредно отскочив от его Ауры.

Янг не теряла времени даром, кивнув ему, она бросила тело в вампира, который, к его чести, быстро отразил его взмахом когтя. Однако он не успел отбить второе тело, как Янг прыгнула на него, и он застонал от боли, когда ее Пламенный плащ сжег его неживую плоть, а затем она раздробила ему череп. Жон притворился, что не услышал ее дикого смеха, когда она бросилась прочь; он не мог понять, было ли удовольствие Янг от битвы свойственно только Янг, или же это было свойственно Нордам. Он не мог припомнить, чтобы Янг когда-нибудь так смеялась, когда ее вызывали на спарринг с Пиррой, но, с другой стороны, она никогда не выигрывала битву против его напарника.

Даже когда он инстинктивно прокладывал себе путь через последний участок перед воротами, рубя мечом разную нежить, он не мог не думать о своем мире, о своих друзьях. Ему было интересно, как бы они отреагировали, увидев его сейчас, с его новым мечом и всем тем, через что ему пришлось пройти. Пирра, вероятно, была бы просто рада снова увидеть его (после того, как она отругала бы его за то, что он отправил ее в безопасное место), и она, вероятно, потребовала бы провести с ним раунд, чтобы увидеть, насколько он улучшился. Благодаря своему опыту и неметаллическому оружию, он чувствовал, что мог бы продержаться не менее десяти минут. Нора и Рен, вероятно, больше заинтересовались бы его приключениями, хотя ему было забавно представить себе лицо Норы, когда он сказал ей, что в Скайриме нет блинов. А Руби? Она почти наверняка была бы очарована его новым оружием, и особенно материалом, из которого оно было сделано. А главное, поскольку это не семейная реликвия... Он мысленно напрягся, представив себе щенячьи глаза Руби, умоляющей его помочь ей установить на меч технологию меха-сдвига. Он пережил ее попытки только потому, что Кроцеа Морс на самом деле не был его мечом...

— Гунмар! — Крикнул Исран, и сознание Жона вернулось к текущей битве. Он не заметил, что они уже у ворот; его тело работало на автопилоте, пока он следовал за Янг по мосту. Возможно, это было к лучшему. Он не хотел сейчас представлять себе запах или думать о том, как будет болеть, когда адреналин выветрится. Серана, все это время находившаяся сзади, подбежала к воротам и быстро запустила в них свои сильнейшие заклинания Пламени и Мороза, ослабив португую температурным шоком.

Где-то позади него затрубил боевой рог, и он услышал грохот железа, а затем его сменили тяжелые шаги. Стражи Рассвета рассказывали ему о них, о том, что, несмотря на то, что они хорошо обучены, они все равно дикие звери, и поэтому их нужно сдерживать во время путешествия, на случай, если они разволнуются. Увидев их в действии сейчас, он понял, что в этом есть своя мудрость: пара разъяренных бронированных троллей неслась по мосту.

Ворота, построенные в древние времена, были рассчитаны на многократные удары относительно легкого бревна, полагаясь на то, что это был маленький остров, окутанный туманом, чтобы враги не смогли прислать что-нибудь более тяжелое (или обстрелять его с моря).

Благодаря вековому запустению и воздействию морского бриза, а также заклинаниям Сераны, у него не было ни единого шанса против бронированных троллей.

Коалиция Стражи Рассвета-Соратники, не теряя времени, воспользовалась брешью и проскочила через разбитые ворота, прежде чем вампиры успели их зажать. Жон пошел с ними, слыша их крики ярости, когда они стали свидетелями тех же зрелищ, что и он, когда впервые вошел в замок Волкихар. Живые люди лежали на столах, превращенные в бездумные мешки с

кровью для придворных. Прислуживающие рабы самоубийственно пытались напасть на них, пытались ударить их своими тарелками и кубками. У них даже не хватало ума защищаться, так как их тоже быстро убивали. Жон мог считать это лишь милосердием.

Это было, конечно, больше, чем Стражи Рассвета и Соратники проявили к вампирам, пришедшим в праведную ярость. Они считали себя участниками морального крестового похода за судьбу Тамриэля, но это был первый раз, когда они увидели, что их ждет в случае поражения.

Двор Харкона был сильнейшим из чистокровных вампиров, владевших древним оружием, известным лишь в легендах, искусных во многих формах магии и боя, утерянных временем, с повышенной силой и скоростью. В тесных стенах замка, где имелись лишь теоретические планы обороны, датируемые веками, против современных охотников на вампиров, которые сражались с ними уже несколько месяцев, и группы воинов, которые могли проследить свою историю до первых Людей в Скайриме, это была равная битва.

Жон, Янг, Исран и Серана не присоединились к зачистке. Вместо этого, пока замок сотрясаясь от полудюжины различных столкновений, они собрались вокруг того, что Серана назвала кафедрой замка. Харкона не было ни при высадке, ни при битве через мост, ни при штурме замка. Они не знали почему, но это было другое, наиболее вероятное место, где он мог бы укрыться (по словам Сераны). Так или иначе, с его силами, изолированными и ослабленными, это был их лучший шанс уничтожить его, прежде чем он сможет помочь своему двору или его двор придет ему на помощь.

Жон почувствовал, как неосознанно напрягся, когда Серана потянулась за цепью для ворот, отделяющих собор от остальной части замка Волкихар, и увидел, как ее рука слегка напряглась вокруг цепи. Янг тоже заметила это колебание, но посчитала, что лучше ничего не говорить. В конце концов, Серана уже говорила о своих мыслях и сомнениях, когда дело дошло до встречи с отцом, и Янг верила, что Серана поступит правильно. Так же быстро, как это произошло, Серана нашла в себе силы и потянула цепь вниз. Когда железные ворота с грохотом медленно поднялись, она коротко оглянулась на Жона, который в ответ посмотрел на нее, пытаясь понять, все ли с ней в порядке.

Серана утешалась присутствием своих друзей, тех, кто был с ней с момента пробуждения, но она лишь коротко кивнула, прежде чем направиться к дверям. Наивная невинность Жона, его, казалось, неизменная вера в доброту людей... она знала, что не может потакать этому. Если бы она это сделала, то потеряла бы свою решимость и попыталась бы искупить вину чудовища, в которое превратился ее отец, хотя она знала, что он без колебаний убьет ее и ее друзей ради своего драгоценного пророчества. Однажды это уже почти произошло, когда она ослабила хватку на шее Виртура. Она стиснула зубы при мысли о том, что может потерять отца, а он убьет ее друзей из-за нее, но потом снова решилась и целенаправленно распахнула двери собора Волкихар.

Первое, что заметила Янг, когда они ворвались в собор, был серый вампир, парящий посреди комнаты и выглядящий так, будто ему скучно. Второе, что она заметила, был запах. Серана рассказала им, что в соборе ее отец крестил потенциальных новобранцев в свой двор, и лишь немногие смогли выжить. Ей захотелось вырвать кляп, когда в нос ударил запах пяти веков накопленных неудач, и она увидела, как побелели костяшки пальцев Жона на его мече, когда он заметил запах, груды костей в углу и пришел к тому же выводу, что и она. Когда все четверо приблизились к Харкону, он приветливо улыбнулся своей дочери и таким тоном, словно приглашал их на чай, сказал: — Серана, дорогая. Я вижу, ты все еще предпочитаешь держать домашних животных.

— Ты знаешь, почему мы здесь. — Серана плюнула ему в ответ, проигнорировав укол отца. Она даже не хотела с ним разговаривать, но он дал ей возможность отвлечь его, чтобы выиграть время для остальных, чтобы окружить его.

— Конечно, знаю. — Харкон ответил своим обычным снисходительным тоном, а затем покачал головой и продолжил, почему-то звуча искренне обиженно: — Ты разочаровала меня, Серана. Ты взяла все, чем я обеспечил тебя, и бросила все это ради этих... жалких существ.

— Обеспечил меня? — Повторила Серана, недоверчиво. — Ты с ума сошел? Ты разрушил нашу семью. Ты убил других вампиров. И все из-за какого-то пророчества, которое мы едва понимаем. Больше не надо. Я покончу с тобой. Ты не тронешь их.

— Итак, я вижу, у этого дракона есть клыки. — Весело заметил Харкон, хотя в его глазах ясно светилась гордость, к отвращению всех остальных присутствующих. Разочарование наполнило его голос, и он укоризненно сказал: — В твоём голосе чувствуется яд влияния твоей матери. Как вы похожи.

— Нет... — Глаза Сераны затвердели, когда она вспомнила свою мать и то, чем та заставила ее пожертвовать. Она перевела взгляд на отца, который слегка вздрогнул, удивленный ее внезапным неповиновением. — Потому что, в отличие от нее, я не боюсь тебя. Больше нет.

Харкон отвернулся от нее и посмотрел на Жона и Янг, которые пытались незаметно обойти его с флангов. Они напряглись, когда он оглядел их, а затем наконец сказал: — Вы двое... похоже, я должен благодарить вас за то, что вы настроили мою дочь против меня. Я знал, что это лишь вопрос времени, когда она вернется с ненавистью в сердце.

— Мы? — Жон был потрясен смелостью заявления Харкона.

— Твоя дочь ненавидит тебя, потому что ты не заботишься о ней. — Резко заметила Янг.

— Конечно, я забочусь о ней. Она знает, что забочусь. — Похвастался Харкон, игнорируя насмешки возмущенного неверия со стороны Сераны, Жона и Янг. — Но ради блага нашего рода пришлось пойти на жертвы.

— Твой «род» — бедствие для этого мира. — Ответила Янг.

— Да, да. Всегда благородные охотники на вампиров. — Харкон отмахнулся от ее слов и риторически спросил: — А что будет, когда ты убьешь меня? Следующей будет Валерика? Серана?

— Речь идет не только об убийстве вампиров. — Твердо заявил Жон.

— Ах, конечно. Пророчество. Вы пришли сюда, чтобы помешать мне взять Лук Ауриэля и погрузить мир во тьму.

Наступило молчание, пока зал осмысливал брошенную им бомбу. Наконец, Янг обрела голос: — Откуда... откуда ты знаешь о Луке Ауриэля?

— Я всегда знал о полном пророчестве. — Нетерпеливо сказал Харкон, хотя на его лице появилась ухмылка, поскольку он не упустил случая позлорадствовать. — Среди детей ночи восстанет грозный владыка. В эпоху раздоров, когда драконы вернутся в царство людей, тьма смешается со светом, а ночь и день будут едины. Кровь Дочери Колдхарбора ослепит глаз дракона... я прав? Валерика забрала эти два свитка не для того, чтобы помешать мне узнать об

этом, как бы отчаянно она ни верила и ни надеялась, о нет. Она забрала их у меня, чтобы я не смог узнать, где находится Лук Ауриэля или ритуал, необходимый для осквернения лука... так же, как она забрала у меня Серану и спряталась, чтобы я не смог использовать их кровь для проведения ритуала.

— Что... что с тобой? — В недоумении спросил Жон, прежде чем праведная ярость взяла верх над его дрожащим голосом. — Как ты можешь так гордо стоять и хвастаться тем, что ты всегда знал, что тебе придется убить свою жену или свою дочь?!

— Как я уже сказал, жертвы должны были быть принесены для улучшения нашего рода. — Харкон покачал головой, словно разговаривал с особенно медлительным ребенком, и невозмутимо продолжил: — Я уверен, что старая Серана, по крайней мере, согласилась бы.

Разъяренный Жон окончательно вышел из себя, и прежде чем Янг или Серана успели отреагировать, он уже мчался вперед с высоко поднятым мечом. Исран, пробравшийся на один из верхних этажей собора, воспользовался тем, что Жон отвлек его, и прыгнул вниз, замахнувшись своим молотом на парящего вампира.

Атака не удалась, тело Харкона распалось на облако трепещущих летучих мышей, а вокруг раздался издевательский смех, когда Харкон медленно восстановился над ними, целый и невредимый. Прежде чем они успели попытаться во второй раз, статуи горгулий в комнате ожили, и из груды костей и трупов начали выползать ожившие скелеты, которые затем попытались утопить охотников на вампиров в волне костей и камней.

Конечно, четверо опытных воинов без труда сокрушили эту волну в считанные секунды. Гаргульи были примерно так же сильны, как Беовульфы, и они не собирались в стаи. Но это все равно стоило им нескольких драгоценных секунд, и когда они обернулись к Харкону, тот уже закрылся щитом из красной энергии.

Серана выругалась, узнав заклинание; она сомневалась, что даже Янг с мечом Жона сможет сделать что-то большее, чем разрушить его, не говоря уже о том, сколько энергии в нем накопилось. И если она не прогадала, ее отец продолжит оживлять скелетов, чтобы бросить в них, пока ее смертные спутники не устанут и не упадут. Если только...

— Жон! — Воскликнула Серана, в то время как в только что восставшего скелета ударила молния. — Используй Лук Ауриэля!

Жон моргнул, не ожидая, что его поставят в тупик, и спросил: — Как?

— Что значит, как?! — Воскликнула Янг. — Используй его, чтобы выстрелить одной из стрел, которые дал нам снежный эльф!

— Я никогда в жизни не пользовался луком!

Янг, Серана и Исран растерянно переглянулись. Наконец, Янг обрела голос: — Разве ты не был обучающимся охотником!

— Я же говорил тебе, не таким охотником! — Ответил Жон, убирая меч в ножны и доставая Лук Ауриэля. По тому, как он держал его, было ясно, что он действительно никогда раньше не обращался с луком. Жон, в свою очередь, отчаянно пытался вспомнить, как та огненная ведьма пользовалась своим луком.

Харкон, конечно же, заметил неопытность Жона и не смог устоять перед возможностью

завладеть луком. Жестом он опустил щит и с голодным блеском в глазах бросился к Жону.

Жон вскрикнул от шока и инстинктивно взмахнул луком, как дубиной, подсознательно направляя в него свою Ауру.

Харкон мог бы легко увернуться от неловкого удара, если бы не Янг, которая прыгнула, чтобы перехватить его, как только тот сделал шаг. Харкон был даэдрически наделенным властью чистокровным лордом-вампиrom с многовековым опытом. Янг была тренированным бойцом, находящимся на пике своего физического расцвета, и пробужденной драконорожденной, уже поглотившей душу дракона.

Она была достаточно быстра, чтобы ударить его в бок и повалить на землю, прежде чем его когти успели дотянуться до шеи Жона. Через мгновение Лук Ауриэля, божественные чары которого были активированы Аурой Жона, ударили Харкона в лоб.

Результат был мгновенным и впечатляющим, и Харкон закричал от боли, как душа проклятого, когда область вокруг лука начала сгорать, концентрированный солнечный свет превратил его древнюю плоть в хлопья пепла.

Как раненое животное, Харкон инстинктивно метался, отбрасывая от себя Жона и Янг, но ущерб был нанесен, и Харкон мог лишь слепо барахтаться, не видя больше глаз, пока Исран не раздробил своим молотом то, что осталось от его головы, и не всадил арбалетный болт в его сердце.

Наступило долгое молчание, когда все четверо смотрели, как разрушенное тело Харкона рассыпается в пыль, после чего Серана наконец заговорила тяжелым голосом: — ... ну, теперь дело сделано.

— Хорошая работа, парень. — Хрипло сказал Исран, похлопав Жона по плечу. — Выманить его таким некомпетентным поступком...

Жон, Янг и Серана поморщились, понимая, что это не было притворством, а Янг бросила взгляд на Жона. Жон кашлянул и решительно сменил тему, неловко спросив Серану: — Так... что ты теперь будешь делать?

— Я не уверена... — Ответила Серана, оглядываясь по сторонам. — Может быть, я отремонтирую свою комнату, может быть, вытащу маму из Каирна Душ... просто трудно поверить, что все наконец-то закончилось, понимаешь?

— Все кончено. — Подтвердил Исран, ткнув сапогом в кучу пепла, прежде чем прочистить горло и посмотреть на Серану. — Он мертв, и пророчество умрет вместе с ним. Я... Полагаю, это трудно для тебя.

— Я думаю, что мой отец действительно умер давным-давно. — Призналась Серана, слишком истощенная и удивленная, чтобы ответить старому охотнику на вампиров своим обычным сарказмом. — Это было просто... конец чего-то другого. Я сделала то, что должно было быть сделано. Ничего больше.

— Я думаю, возможно... Я думаю, что ты сделала больше, чем это. Я благодарю тебя. — Жон и Янг вытаращились, как на идею параноидального старого Исрана поблагодарить охотника на вампиров, так и на то, что он говорил так, будто испытывал от этого физическую боль.

— Действительно, теперь... не упоминай об этом... никогда. — Сказала Серана, завершая

разговор, и Исран кивнул. Повернувшись к двум друзьям, которые были с ней с самого начала, она спросила: — Ну что, Жон, Янг... есть еще какие-нибудь приключения?

Янг посмотрела на Жона и вспомнила слова Мартина. Пожав плечами, она легко ответила: — Я думаю отправиться в Кайнсгроув, взять небольшой отпуск.

— А что есть в Кайнсгроуве? — С любопытством спросил Жон.

Янг прикусила губу, размышляя, как ответить. Жон нуждался в отдыхе; она не хотела обременять его знанием того, что там может быть подсказка о возвращении драконов (а она даже не знала, как выглядит подсказка, поскольку Мартин был весьма туманен в этом вопросе), чтобы он сам не решил перевернуть это место вверх дном. К счастью для нее, Исран заговорил, и в его тоне слышалось веселье: — Заштатный трактир, да?

Янг поборола вспышку смущения, вызванную словами Исрана, и посчитала себя вдвойне счастливой, когда толстокожий Жон совершенно не понял, о чем идет речь, насмешливо нахмурился и поддразнил ее: — Не пей слишком много и не ломай слишком много, Янг...

Подыгрывая ему, она ухмыльнулась и рассмеялась: — Ну же, Тошнотик, расслабься немного! Мы только что спасли мир!

Примечание автора: И я наконец-то жив... извините за позднюю главу, но я не мог понять, как начать эту главу, и в итоге переписывал ее несколько раз. Кроме того, я заболел и попытался пройти на достижения Hearts of Iron IV... в качестве южноамериканской страны. Думаю, я просто впал в кататонию на последние несколько десятков часов этой игры...

Раздел Ремнант был незапланированным дополнением, которое я сделал в последнюю минуту, перед тем как выложить эту главу. Первоначально я написал ее так, чтобы она происходила сразу после падения Атласа в Мантл... но когда я попытался написать ее, я понял, что у меня нет времени (или интереса) смотреть 8 том, смотреть, как это происходит в каноне, и выяснять, как все изменится с изменениями, которые я сделал. Поэтому я удалил эту часть, и первоначально планировал просто оставить ее без внимания. Но, ну... Я вдруг понял, что могу сделать это таким образом, пока спал после работы...

И да, Руби просто приукрашивает свои воспоминания и прославляет мертвых. Это вроде того, что делают люди.

С точки зрения Харкона, он провел последние 500 лет, занимаясь уловками, привлекая ключевые кровные линии, устанавливая шпионов и марионеток в высшем обществе Скайрима и разыскивая Серану, в ожидании ключевого момента (возвращения драконов), чтобы действительно исполнить пророчество. Однако все, что говорит Серана (а значит, все, что могут знать Стражи Рассвета), — это то, что он услышал о каком-то пророчестве и увлекся им. С точки зрения Стражей, они потратили столько сил на поиски свитков, а не просто на борьбу с вампирами, чтобы знать полное пророчество и ключевые предметы, необходимые для каждого из них, в то время как Харкон не знал. Если нет, то зачем Харкону просто искать свитки, когда он мог бы потратить 500 лет, перевернув каждый камень в Тамриэле в поисках

Лука Ауриэля? Поэтому они все так удивлены, когда он говорит, что все это время знал полное пророчество. Является ли это изображение каноном? Понятия не имею... но я использую его в этой истории.

И для тех, кто может пожаловаться, что Харкон умер от дешевого выстрела... ну, а что еще он мог сделать? Он увидел прекрасную возможность забрать Лук Ауриэль у Стражей Рассвета, когда его держал кто-то, кто не знал, как им пользоваться, а все остальные были слегка отвлечены. Если бы он завладел им, все, что ему нужно было бы сделать после этого, это нанести на лук немного крови Сераны, а затем он мог бы сбежать, превратившись в облако летучих мышей (то, что повелители вампиров могут делать в игре). Черт, ему даже не нужна кровь Сераны, он может просто сделать еще одну Дочь Колдхарбора. Он просто недооценил защиту Янг и то, что Лук Ауриэля причинит ему столько боли, будучи использованным в качестве дубинки.

<http://tl.rulate.ru/book/71357/1979256>